

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ И ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН: МИФОЛОГЕМЫ «ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА» И «ГЛОБАЛИЗМА» И РЕАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

ЛЕВИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры экономической теории
Кемеровского государственного университета.
Электронный адрес: levin@kemsu.ru

Статья посвящена исследованию процессов институциональной трансформации, а также критериям эффективности формирующихся институциональных структур. Изложены концепция школы миросистемного анализа и подход Эрнандо де Сото, позволяющие рассмотреть проблему преодоления институциональных барьеров, лежащих на пути вхождения в ряды экономически развитых стран.

Ключевые слова: институциональная трансформация; глобализация; анклавная двойственная экономика; институты.

The article focuses on the institutional transformation process, as well as performance criteria of the emerging institutional structures. This article outlines the concept of world-system analysis school and the concept of Hernando de Soto, which allows to consider the problem of institutional barriers overcoming that lie in the way of joining the developed countries range.

Keywords: institutional transformation; globalization; the dual enclave economy; institutions.

Коды классификатора JEL: B52, E02, F50.

В современных условиях сохраняется качественный разрыв в уровне экономического развития между большинством стран мира и группой развитых стран. При этом устойчивое сохранение данной ситуации обусловлено факторами институционального характера. Спецификой сложившейся и сохраняющейся в большинстве стран мира институциональной среды является то, что в них не сформировалась система конституционных правил, обеспечивающих становление и функционирование экономических субъектов рыночного типа, ориентированных на накопление частного и общественного богатства на основе продуктивной деятельности. При этом возникает вопрос о причинах сохранения такой ситуации в условиях современной глобальной экономики. Растущая открытость национальных экономик, углубление мирохозяйственных связей сами по себе расширяют пространство институциональной метаконкуренции, возможности взаимовлияния различных институциональных систем. С позиции «наивной» теории институциональных изменений это должно содействовать конвергенции институциональной среды в различных странах на основе отбора наиболее эффективных институтов. Поскольку этого не происходит, это свидетельствует о наличии влиятельных акторов, которые получают благодаря существующим институциональным структурам распределительные выгоды. Следующим шагом в анализе должно стать определение состава таких акторов, соотношение в их числе внутренних и внешних экономических субъектов, представляющих развитый «центр» и задающих правила игры в глобальной экономике. Д. Норт пишет: «Если бедные страны бедны потому, что они являются жертвами институциональной структуры; мешающей росту, то вопрос состоит в том, навязана ли эта институциональная структура извне или же детерминирована внутренними факторами, или же является следствием сочетания и того, и другого?» (Норт, 1997, 171).

© С.Н. Левин, 2010

Одним из вариантов ответа на поставленный вопрос является концепция школы мир-системного анализа, возглавляемая И. Валлерстайном (*Валлерстайн, 2001; Валлерстайн, 2000, 105–123; Валлерстайн, 2006, 67–83*). Она описывает современную мир-систему как капиталистическую «мир-экономику», принявшую к концу XIX века всемирный характер (в этом плане она стала глобальной). Важно отметить, что в рамках предложенного подхода выделяются три типа исторических систем: «мини-системы», «мир-империи» и «мир-экономики». Последнюю форму И. Валлерстайн характеризует следующим образом: «“Мир-экономики” — это обширные неравные цепи из объединенных структур производства, рассеченные многочисленными политическими структурами. основополагающая логика состоит в том, что накопленная прибыль распределяется неравным образом в пользу тех, кто способен достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях» (*Валлерстайн, 2000, 115*). При этом современный зрелый вариант «мир-экономики» выступает как капиталистическая по своей природе система.

В этой связи И. Валлерстайн пишет: «Капиталистический мир-экономика — это система, основанная на стремлении накапливать капитал, на политическом влиянии на уровень цен (на капитал, потребительские товары и на труд) и на устойчивой поляризации с течением времени классов и регионов (центр-периферия)» (*Валлерстайн, 2001, 403*). При этом важнейшей особенностью современной глобальной «мир-экономики» является ее трехзвенная структура, включающая «центр» («сердцевину», «ядро»), «периферию», «полупериферию». В рамках такой структуры происходит объективное воспроизводство, «развитие слаборазвитости» в периферийных и полупериферийных странах. Это означает, что страны «центра» используют свои экономические и властные возможности для сохранения в глобальной экономике правил игры, закрепляющих их «статусные» преимущества. Это означает существование устойчивой иерархии государств, обладающих разными реальными способностями контролировать потоки капитала, товаров и трудовых ресурсов через свои границы и принуждать к исполнению своих решений группы, действующие в его границах. При этом значимость государства с позиций места страны в глобальной «мир-экономике» связана с тем, что оно — «наиболее подходящий институциональный посредник при установлении рыночных ограничений (квазимонополий в широком смысле слова) в пользу определенных групп» (*Валлерстайн, 2001, 404*). Соответственно, простое следование складывающимся в глобальной экономике правилам игры ведет к закреплению «слаборазвитости», «периферийного» или «полупериферийного» положения. При этом, поскольку капиталистическая система иерархична, возможность новичков занять в ней высокое место заведомо ограничена, причем успех одних чреват серьезными проблемами для других. Это означает, что смена места экономики страны в иерархии «мир-экономики» является возможной только для отдельных стран при наличии достаточно жестких ограничений.

В качестве примера альтернатив предложенному подходу может служить концепция Э. де Сото. При этом последний тоже уделяет центральное место накоплению капитала и согласен с тем, что в большинстве стран мира капитализм «терпит поражение». Однако он связывает сложившееся положение дел с несовершенствами правовой системы этих государств, ее оторванностью от местных внезаконных общественных договоров. В этой связи показательна данная им оценка ситуации: «За пределами стран Запада капитализм пребывает в кризисе не потому, что проваливается процесс международной глобализации, а потому что развивающиеся и бывшие социалистические страны не смогли “глобализовать” капитал внутри своих стран. Большинство населения этих стран рассматривает капитализм как частный клуб, как дискриминационную систему, которая выгодна только западу и местным элитам, устроившимся под стеклянным колпаком несправедливого закона» (*Де Сото, 2001, 209*).

Однако при этом Эрнандо де Сото весьма оптимистично оценивает возможности преодоления сложившейся ситуации и перспективы успешного капиталистического развития этих стран и глобальной экономики в целом. По существу, он предполагает, что в любой развивающейся или постсоциалистической стране сильные политические лидеры способны провести реформу, которая создаст общедоступную систему прав собственности, обеспечивающую превращение активов в капитал. Оценка же возможных последствий реализации соответствующих правовых реформ носит исключительно оптимистический характер: «Когда доступ к капиталу будет открыт не только обитателям Запада, но и всем

людям Земли, мы сможем освободиться от низменных материальных забот и на крыльях разума воспарить к будущему» (*De Coto*, 2001, 230). Однако данная им же самим общая оценка результатов усилий, направленных на вхождение Латинской Америки в глобальный капитализм (*De Coto*, 2001, 210–211), или более углубленный анализ результатов реформ в Перу по наделению неимущих собственностью (*De Coto*, 2001, 171–174), свидетельствуют о сложности стоящих задач. Эрнандо де Сото предполагает, что проблема заключалась в ориентации реформаторов на телеологический вариант реформирования, и считает, что проблемы будут решены при опоре на генетический подход. Эта позиция обладает серьезными теоретическими и практическими преимуществами. Однако ожидания автора представляются серьезно преувеличенными. Проблема упирается в наличие дееспособных субъектов реформирования, способных изменить кардинально соотношение сил на политическом рынке. По существу, речь идет о том, чтобы преодолеть ограничения, задаваемые длительным историческим развитием по траектории, закрепляющей преобладание институтов, стимулирующих перераспределительную деятельность.

Подводя некоторые итоги, можно сделать общий вывод о том, что преодоление институциональных барьеров, лежащих на пути вхождения в ряды экономически развитых стран, является возможной, но труднореализуемой задачей. При этом вышерассмотренные концепции позволяют рассмотреть различные аспекты данной проблемы. Так мирсистемный анализ показывает наличие серьезных внешних ограничений, определяемых «центро-периферической» структурой современной глобальной экономики. При этом ее теоретики обращают особое внимание на ограниченность потенциала стратегий развития, на то, что удачи на этом пути выступают по своей природе исключением, касающимся лишь меньшинства стран. Их интересуют преимущественно долговременные тенденции развития «мироэкономики». В то же время опыт показывает, что отдельные страны из числа «полупериферийных» (Япония и др.) и даже «периферийных» (Южная Корея и др.) сумели войти в «ядро» мировой экономики или существенно приблизиться к нему. Это показывает, что при наличии определенных внутренних условий «прорыв» возможен.

В этой связи возникает вопрос о специфике институциональной трансформации этих стран в современных условиях. Экономисты либерального направления достаточно критично относятся к тезису о необходимости и целесообразности формирования «промежуточных», однако исторически достаточно длительных форм институциональной организации экономики, базирующихся на хозяйственной конституции модернизационного типа. Эта критика базируется на двух основных моментах, связанных с характеристикой современного состояния мировой экономики как «постиндустриальной» и «глобальной» (*Авдашева, Астапович и Баткибеков*, 2002, 40–41).

Первый тезис заключается в том, что в постиндустриальную эпоху возможности проведения государственной промышленной и структурной политики, что традиционно являлось частью стратегии ускоренной модернизации, резко ограничиваются. Это обуславливается резким ускорением структурных сдвигов и качественным усилением неопределенности направлений технологического развития. Из этого следует вывод о том, что в современных условиях выбор приоритетов должно делать не государство, а субъекты, действующие на основе рыночного интереса. Однако здесь возникает вопрос о том, в какой степени национальный бизнес способен выступать в качестве субъекта развития по своему ресурсному потенциалу и целевым функциям. При этом для развивающихся и постсоциалистических стран как раз становление экономически эффективного и социально ответственного бизнеса, особенно крупного, является ключевой проблемой. Из этого вытекает необходимость непосредственного участия государства в «выращивании» таких субъектов, что неизбежно включает принятие на государственном уровне решений о стратегических приоритетах, которые, безусловно, должны ориентироваться на рыночные критерии. Причем возможности для принятия эффективных решений обеспечиваются многоуровневой структурой современной глобальной экономики, в которой постиндустриальный уклад остается пока надстройкой над индустриальным хозяйством. Это позволяет, отслеживая опыт стран-лидеров, находить на глобальных рынках перспективные «ниши». В этой связи показательно, что в России сейчас большинство экономистов самой разной ориентации согласны с тем, что государство должно реорганизовать и инициировать развитие ряда отраслей экономики.

Второй тезис связан с развитием идеи о том, что решать задачи рыночной институциональной трансформации возможно через вхождение в качестве элемента в какую-либо ин-

ституциональную подсистему глобальной экономики. Примером может служить так называемый «европейский» выбор постсоциалистических стран Восточной Европы, связанный с их вхождением в ЕС. В этой связи возникает вопрос о перспективах и проблемах такого варианта институциональной трансформации, а особенно, о степени его универсальности. Представляется, что такой выбор оказывается возможным и перспективным при наличии целого ряда рамочных условий: «цивилизационное» родство, относительно высокий уровень развития, небольшие размеры экономики, делающие невозможными притязания на роль самостоятельного центра силы в мировой экономике. Такой путь предполагает, что значительную часть функций по определению путей развития национальной экономики выполняют бизнес и властные структуры более развитых стран, определяющих правила игры и стратегические модели поведения в рамках данного экономического и политического сообщества. В этих условиях важнейшей задачей властной и экономической элиты является определение условий вхождения в соответствующее сообщество и отстаивание интересов страны в ходе «торгов» на «наднациональных» политических рынках. При этом опыт показывает, что процесс унификации национальных правил игры с институциональными требованиями сообщества требует достаточно длительного периода времени.

Таким образом, даже при данном варианте речь идет о поэтапном, «направляемом» и адаптированном принятии правил игры, базирующихся на определенной разновидности хозяйственной конституции рыночной капиталистической экономики. Представляется, что в данном случае речь не идет об отсутствии «промежуточных» модернизационных правил, а об их специфике. Она связана, прежде всего, с тем, что лежащий в ее основе вертикальный социальный контракт приобретает дополнительного третьего субъекта в лице экономической и властной элиты соответствующего сообщества развитых стран. Последняя берет на себя часть «формообразующих» и «компенсирующих» функций, что снижает издержки модернизации (в этой связи можно вспомнить, сколь значительную роль в развитии Испании, Португалии, Греции и ряда других стран сыграли субсидии ЕС и его разносторонняя техническая и консультационная поддержка при проведении рыночных реформ). В то же время этот дополнительный участник получает часть выгод от модернизационных процессов, связанных, прежде всего, с укреплением своих позиций в качестве «центра силы» в глобальной экономике. В этой связи важнейшей функцией элит стран, решающих модернизационные задачи, является обеспечение благоприятного для их национальных экономик баланса «выгод» и «издержек».

Большинство развивающихся и постсоциалистических стран сталкиваются с необходимостью самостоятельного поиска путей институциональной трансформации, способных обеспечить условия для ускоренного развития. В наибольшей степени это касается таких стран, как Россия, которая по своим масштабам не вписывается в качестве рядовой «экономической провинции» одного из существующих «центров силы».

В этой связи возникает вопрос о соотношении процессов внутренней институциональной трансформации и интеграции в мировую глобальную экономику. В рамках выше-рассмотренного варианта вхождение в глобальную экономику опосредуется интеграцией с одним из существующих в ней «центров силы». Остальные развивающиеся и постсоциалистические страны, их элиты самостоятельно ищут варианты сочетания этих процессов. Предложенная развитыми странами и выражающими их интересы международными экономическими организациями (МВФ, ВТО и др.) модель рыночных преобразований, известная как Вашингтонский консенсус, исходила из подчинения задач рыночной трансформации развивающихся и постсоциалистических стран интересам развития глобальной экономики. Важнейшими принципами политики Вашингтонского консенсуса являлись, как известно, *либерализация, приватизация и финансовая стабилизация на основе жесткой монетарной и фискальной политики* (Стиглиц, 2003, 75–91). В институциональном плане эта программа выступает как политика ускоренного внедрения в развивающихся и постсоциалистических странах набора унифицированных правил игры, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики. На этот аспект проблемы обращает внимание М. Кастельс. Он отмечает, что давление со стороны правительств развитых стран, МВФ, Всемирного банка и ВТО использовалось в целях унификации всех национальных экономик вокруг одинаковых правил игры, подразумевающих свободное движение капиталов, товаров и услуг в соответствии с рыночной оценкой. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязывались жесткие условия «струк-

турной адаптации», без учета специфики положения каждой из них (*Кастельс*, 2001, 75; *Де Сото*, 2001, 209–214).

Опыт показал, что, как правило, результатом реализации такой политики являлось развитие в этих странах анклавной двойственной экономики. Это означало появление в них анклавов богатства, представленных преимущественно экспортными производствами, контролируемым иностранным капиталом и привилегированными местными предпринимательскими структурами, практически не связанными с остальной экономикой (*Стиглиц*, 2003, 96–97). Анклавная двойственная экономика институционально и структурно закрепляет социально-экономическую отсталость. Это обусловливается комплексом взаимосвязанных факторов:

- ◆ развитые анклавы практически не влияют положительно на модернизацию остальной экономики страны, за исключением того, что они могут выступать источником финансовых ресурсов для бюджетных программ, ориентированных на решение соответствующих социально-экономических задач. Это связано с тем, что основные товарные, технологические и финансовые взаимосвязи этих анклавов замыкаются на глобальные, а не национальные рынки. Механизмом торможения экономического развития часто выступает т.н. «голландская болезнь». Поток валюты приводит к ее удорожанию, что стимулирует импорт и удорожает экспорт. Это приводит к подавлению большинства секторов национальной экономики, в том числе обрабатывающей промышленности, большинства подотраслей сельского хозяйства, национальной банковской системы и т.д.;
- ◆ функционирование этих анклавов оказывается неразрывно связанным с созданием для иностранных инвесторов и крупного отечественного бизнеса привилегированных режимов, особенно когда речь идет о доступе к природным ресурсам. В результате происходит закрепление вышеописанной системы, когда большая часть населения не имеет доступа к легальной системе прав собственности. При этом специфика «издержек внелегальности» (издержки уклонения от легальных санкций; издержки, связанные с трансфертом чистых доходов; издержки, связанные с уклонением от налогов и нарушением законов о труде; издержки, связанные с отсутствием легально зафиксированных прав собственности; издержки, связанные с невозможностью использования контрактной системы; издержки, связанные с исключительно двухсторонним характером нелегальной сделки; издержки доступа к нелегальному процедурам разрешения конфликта) блокирует развитие крупномасштабных производств, снижает производительность вследствие ориентации на трудоемкие технологии, сокращает инвестиции (как из-за не заинтересованности в росте масштабов бизнеса, так и из-за ограниченности доступа к финансовым ресурсам), подрывает технический прогресс (малые размеры предприятий, низкий уровень кооперации производства, невозможность защиты технических инноваций). В свою очередь, рост внелегального сектора увеличивает налоговую нагрузку на легальный бизнес, представленный преимущественно крупными предприятиями, что стимулирует его переориентацию с производственной деятельности на политический лоббизм и рентоориентированное поведение (*Де Сото*, 1995, 176–216). Таким образом, раскол экономики на легальный и нелегальный бизнес снижает эффективность всей экономики;
- ◆ укрепляется модель «рентоориентированного» государства. В данном случае речь идет о том, что государство получает возможность удовлетворять свои финансовые потребности за счет налогообложения рентных доходов высококонцентрированных экспортных отраслей добывающей промышленности. В этих условиях интересы властной элиты, как легальные, так и внелегальные, связанные с извлечением коррупционных доходов, оказываются сориентированы на установление контроля над этими отраслями. При этом резко снижается заинтересованность государства в формировании благоприятных институциональных условий для развития основной части экономики, связанной с созданием богатства в ходе трансакций на национальных рынках.

В этом случае речь идет о т.н. проблеме государств, «обремененных ресурсами» (*Тамбовцев*, 2000). «Левый» вариант этой «болезни» часто выражается в проведении политики «ресурсного национализма». Эта политика предусматривает национализацию природных ресурсов и использование полученных доходов на реализацию широкомасштабных государственных инвестиционных и социальных проектов. При этом возникают проблемы,

связанные с тем, что вытеснение иностранных компаний ограничивает доступ к современным технологиям добычи и переработки ресурсов, а государственные проекты часто характеризуются неэффективным использованием ресурсов. Однако не менее типичным и разрушительным является и «правый» вариант, связанный с превращением государства в младшего партнера иностранного капитала и привилегированных отечественных бизнес-структур. На широкое распространение этого варианта указывает Дж. Стиглиц, который пишет: «Прямые иностранные инвестиции приходят только ценой подрыва демократического процесса. Это в особенности относится к инвестициям в добывающую промышленность, нефть и другие естественные ресурсы, где у иностранцев есть реальная мотивация получить концессию по низкой цене» (Стиглиц, 2003, 96). Общность «правого» и «левого» вариантов заключается в ориентации государства на перераспределение рентных доходов, а не на создание институциональных основ создания богатства. При этом наличие концентрированного источника доходов у государства усиливает авторитарные тенденции, снижает возможности реального влияния на принятие правительственных решений со стороны широких кругов отечественного бизнеса и организаций гражданского общества. Правящие элиты выступают на политическом рынке как дискриминирующий монополист. Это выражается в том, что распределение бюджетных средств подчиняется не логике решения долгосрочных задач, а «покупке» лояльности определенных специальных групп интересов, способных использовать возникающие социально-экономические проблемы для подрыва позиций действующей власти. В результате экономическая и социальная политика выступает как набор краткосрочных и противоречивых с точки зрения влияния на социально-экономическое развитие программ, объединенных логикой укрепления авторитарной власти.

Проведенный анализ показывает, что ускоренное принятие унифицированных норм, ориентированных на интересы субъектов глобальной экономики, не ведет к решению модернизационных задач. Это позволяет охарактеризовать выводы либеральных версий концепций «постиндустриализма» и «глобализма» как своеобразные мифологемы. Они исходят из тезиса о наличии универсальных критериев эффективности и универсального в своей основе набора «качественных» институтов, способных обеспечить эффективное функционирование экономики. В основе этого мифологического представления лежит неоклассическая идеальная модель рыночной системы, построенная на абстрагировании от исторического, культурного и географического контекста. На этой основе возникает представление об экономике как абсолютно однородной в институциональном отношении. В рамках такого подхода, унифицированные по требованиям глобальных рынков и лидирующего в развитых странах постиндустриального сектора формальные правила игры рассматриваются в качестве доказавшего свою эффективность «образца», степень соответствия которому служит критерием «качества» институтов. Однако ориентация развивающихся и постсоциалистических стран при проведении институциональных реформ на эти мифологемы на практике ведет к закреплению их периферийного положения в мировой экономике.

Разрыв характерного для многих развивающихся и постсоциалистических стран, в том числе и России, замкнутого круга возможен при формировании властной элиты, ориентированной на решение модернизационных задач. Это предполагает проведение институциональных реформ, связанных с формированием относительно самостоятельных от властной вертикали и конкурентоспособных на мировом рынке экономических субъектов. При этом проблемы интеграции в мировую глобальную экономику выступают не как самоцель, а как аспект более общей проблемы модернизации страны. Соответственно, речь идет о поиске оптимальных путей поэтапного вхождения в группу развитых стран, образующих «центр» мировой экономики. Для стран с потенциально «большой» экономикой, к которым относится Россия, это означает превращение в один из самостоятельных «центров силы» мирового хозяйства.

Соответственно, в рамках сложившейся центропериферической структуры современной глобальной экономики выход страны, принадлежащей к периферии или полупериферии, на траекторию ускоренного социально-экономического развития, может быть достигнут только при формировании соответствующего специфике страны варианта конституционных правил модернизационного типа, базирующихся на асимметричном имплицитном социальном контракте между консолидированной элитой и основной частью населения страны о распределении издержек и выгод ускоренной модернизации.

Содержание и структура конституционных правил модернизационного типа определяется тем, что центральной проблемой рыночной трансформации экономики выступает формирование отечественных бизнес-структур, с одной стороны, относительно самостоятельных от властной иерархии (разделение власти и собственности), с другой стороны — конкурентоспособных как на внутренних, так и мировых рынках. С институциональной точки зрения, это предполагает решение следующих взаимосвязанных задач: формирование общедоступной (относительно свободной от обладания властным ресурсом) системы прав собственности на активы. Это выступает исходным пунктом становления капиталистической рыночной экономики, поскольку создает возможность для появления ее основных субъектов в лице рациональных предпринимателей, ориентированных на максимизацию капитала в долгосрочном периоде на основе использования свободного наемного труда. М. Вебер показал в рамках экономико-социологического анализа принципиальные отличия этого типа предпринимательства от авантюрного, существующего в рамках самых разных социально-экономических систем и опирающегося на использование внеэкономического принуждения и связей с государством (Вебер, 1990, 78–80). Подходы М. Вебера во многом «пересекаются» с обоснованной в рамках современной неинституциональной экономической теории концепцией В. Баумоля. Последний показал, что в зависимости от существующих правил игры деятельность предпринимателя может приобретать не только производительную (созидательное разрушение по Й. Шумпетеру), но и непроизводительную (рентоискательство) и даже разрушительную направленность, используя при этом примеры из истории разных экономических эпох и регионов (Баумоль, 74–82).

Появление набора правил, определяющих разграничение сфер ответственности и взаимодействие власти и бизнеса на принципах динамического баланса между постепенным укреплением экономической самостоятельности и ответственности последнего и реализацией государством по отношению к нему формообразующих и компенсирующих функций. Сохранение в течение достаточно длительного периода вышеуказанных функций государства объективно обусловлено неравенством стартовых условий конкурентной борьбы в мировой экономике.

Таким образом, качественная специфика конституционных правил модернизационного типа заключается в том, что это правила, задающие институциональные рамки трансформации традиционной системы хозяйствования в рыночную капиталистическую экономику в условиях сложившейся центропериферической структуры мировой экономики. Конечной целью модернизационных процессов является формирование хозяйственной конституции рыночного капиталистического типа. Однако становление этих правил, как было показано выше, выступает результатом их исторически длительного выращивания, построенного на взаимодействии процессов спонтанного отбора и институционального проектирования, достигаемого при условии превращения государства в агента развития. Это позволяет характеризовать конституционные правила модернизационного типа как правила выращивания конституционных правил рыночного капиталистического типа. Они задают направленность и рамочные параметры деятельности государства как агента развития и других социальных акторов модернизационных реформ (бизнеса, бюрократии, формирующихся структур гражданского общества). Как «агент развития» государство в лице правящей группы формулирует стратегические цели институционального и технологического развития национальной экономики в условиях слабости бизнеса и других негосударственных экономических субъектов. Компенсирующие функции такого государства заключаются в создании и использовании мобилизационных нерыночных механизмов централизации и перераспределения ресурсов для реализации выбранных стратегических приоритетов. Формообразующие функции выражаются в выработке и реализации институциональных проектов, направленных на формирование институтов и экономических субъектов рыночного типа. Важнейшей задачей государства как агента развития является обеспечение баланса при реализации этих противоречивых по своему характеру и механизмам функций, направленного на поддержание рыночной направленности институциональной трансформации. Это, в свою очередь, предполагает ориентацию государства как агента развития на приоритет формообразующих функций перед компенсирующими, встраивание мобилизационных нерыночных механизмов в процесс выращивания институтов и субъектов национального варианта рыночной экономики.

Исходным пунктом развития выступает система, в рамках которой хозяйство «укоренено» (в терминах К. Поланьи) (*Поланьи*, 2004, 14–29) в социальные отношения. Это означает встроенность элементов экономики в неэкономические институты, их подчиненность воспроизводству традиционных социальных структур, из чего вытекает несформированность критериев экономической эффективности общественного производства. Появление таких критериев невозможно без широкого развития институтов рынка, ведущих к постепенной автономизации экономики от общества, превращения ее в самостоятельную сферу жизни. Однако стихийная рыночная трансформация структур традиционного общества порождает, как правило, относительно примитивные экономические субъекты с краткосрочной ориентацией, способные капитализировать только первичные факторы производства. Возникает проблема формирования системы институтов и накопления социального капитала, задающих долгосрочную ориентацию экономических субъектов. В этих условиях объективно возникает противоречие между рыночными критериями, стимулирующими преимущественно краткосрочную и перераспределительную мотивацию формирующихся экономических субъектов, и необходимостью ускоренной технологической модернизации для преодоления относительного отставания от развитых стран.

Принципиальная ограниченность рыночного критерия эффективности предполагает резкое усиление значения «морального» критерия, отражающего необходимость непосредственного участия субъектов хозяйствования в решении стратегических задач национального развития (*Курбатова и Левин*, 2000, 84–85). Такая модификация критериев эффективности может быть обеспечена только при активном использовании государством как агентом развития и другими социальными акторами модернизационного процесса трансформированных коммунитаристских норм традиционного общества. В этой связи достаточно точно представляется позиция А. Панарина, который считает, что «...история менее развитых обществ всегда выступает как “неправильная” история, искажающая “передовой образец”. Она порождает великое множество “профанированных”, смешанных, неканонических форм, вызванных наложением “универсалий прогресса” на местную специфику. Этим неправильным формам предстоит не только решать традиционные проблемы человеческого существования, но и выдержать конкуренцию с “правильными”, ставшими доминирующими в силу высокой адаптированности к новой исторической среде» (*Панарин*, 1995, 67).

Обобщение опыта модернизационных реформ (например, в Японии, затем в Южной Корее и других азиатских НИС) показывает, что их успех во многом зависит от соединения принципов либерализма с национальными традициями и собственной культурой страны. При этом реформаторы во всех этих случаях руководствовались правилом избирательной селекции культурных традиции по критерию их воздействия на мотивы и стимулы хозяйственного поведения. Допускались и поощрялись исторически сложившиеся неформальные нормы, стимулирующие продуктивную деятельность, и постепенно вытеснялись, в том числе с активным использованием принуждения, традиционные институты, препятствующие инновациям и поощряющие перераспределительную активность. Современным примером использования такого подхода является опыт развития волостных предприятий в Китае. Они функционируют в рамках режима региональных прав собственности, предполагающего концентрацию решающего пучка правомочий в руках региональных властей. Но при этом традиционная хозяйственная активность местных властей, использование ими административных возможностей и клановых взаимосвязей с руководителями предприятий поставлены в рамки жестких бюджетных ограничений (*Нестеренко*, 2002, 138–142). Таким образом, традиционные ценности, в том числе готовность подчиняться административным указаниям властей вне рамок закона, используются для формирования целевых функций экономических субъектов. В этих условиях включение в нее принципа социальной солидарности принимает форму согласия следовать общенациональным приоритетам. Правилom, обеспечивающим эффективность такой политики, является приоритет процедур согласования при выработке и реализации общенациональных приоритетов над директивным принуждением. Государство при взаимодействии с бизнесом и другими субъектами (представителями общественных организаций, местных властей, экспертами из числа научного сообщества и др.) выступает как партнер-координатор, обладающий статусными преимуществами. Это означает постепенное встраивание вертикальных иерархических взаимосвязей в систему формирующегося горизонтального общественно-договорного взаимодействия.

На базе выделенных принципов происходит развитие набора конституционных правил, регулирующих экономическое взаимодействие в процессе решения модернизационных задач. Важнейшими конституционными правилами являются правила, регулирующие становление общедоступной, относительно свободной от обладания властным ресурсом системы прав собственности на активы. Этот процесс предполагает сохранение в течение исторически длительного периода «смешанного» характера реальной системы прав собственности. Речь в данном случае идет о неизбежном переплетении в течение исторически длительного периода традиционных отношений власти-собственности и формирующейся системы прав собственности рыночного типа, базирующейся на приоритете частной собственности на активы. Правилom, задающим ориентиры развития, является нормативное закрепление ведущей роли частной собственности (применительно к таким странам, как Китай, первым шагом является признание ее формального равноправия с другими формами собственности) и приоритет широкого подхода к политике приватизации и разгосударствления над узким. Широкий подход означает, что рост удельного веса частного сектора в экономике достигается преимущественно через стимулирование развития новых частных предприятий, в том числе малого и среднего бизнеса, а не путем формальной приватизации существующего государственного сектора. Опыт, в том числе и отечественный, показывает, что формальная приватизация часто сводится к реструктуризации отношений власти-собственности, связанной с укреплением имущественного положения представителей властной элиты (Нуреев, 2001, 47–56). При этом доступ к правам собственности на активы для большинства населения остается практически недоступным. Рост нового частного сектора, снижение барьеров входа на рынок, высокий уровень ротации компаний свидетельствует о постепенном преодолении жесткой связи власти и собственности и формировании общедоступной легальной системы прав собственности на активы в формах, отражающих институциональную специфику страны.

Становление новой системы прав собственности происходит в неразрывной связи с изменением правил взаимоотношений между государством и развивающимся бизнесом как основным субъектом рыночной экономики. Правилom, определяющим развитие этих отношений, является приоритет формoобразующих функций государства над компенсирующими и сохранение автономии государства развития от специальных групп интересов, позволяющее ему осуществлять своевременное «переключение» типов экономической политики в зависимости от относительных стадий развития страны.

В этой связи важным представляется проведенный В.М. Полтеровичем и В.В. Поповым на основе рассмотрения и сопоставления широкого круга теоретических подходов и эконометрических моделей анализ зависимости политики стимулирования экономического роста от стадий развития (Полтерович, 2005, 137–149; Полтерович, 2006, 46–64). Они различают четыре стадии: 1) начальную стадию модернизации (индустриализации), 2) стадию инициации экспортно-ориентированного роста, 3) стадию стимулирования ускоренного развития и 4) стадию развитого рынка. Переход к первой стадии происходит по мере втягивания экономики в мировой рынок. При этом импорт оказывает положительный экстернальный эффект и создает условия для роста собственной промышленности. Роль государства носит ограниченный характер. Оно призвано стимулировать импорт инвестиционных товаров и технологий, ограничивая только импорт конечной продукции. На следующей стадии важнейшей задачей является выход отечественных фирм на внешний рынок. Фирмы-экспортеры вынуждены конкурировать с производителями передовых стран, а для этого они должны внедрять новые технологии и методы управления. Экспортная экстерналия превращается в важнейший фактор развития всей экономики. Стадия инициации роста, как правило, характеризуется слабостью рыночной инфраструктуры, относительно низким уровнем человеческого капитала и технологического развития. Преодоление этих барьеров становится возможным при эффективном использовании государством комплекса селективных и неселективных мер промышленной политики для поощрения экспорта и ограничения импорта. При этом промышленная политика сочетается с мерами по созданию рыночной инфраструктуры и постепенной децентрализации экономики. Для третьей стадии характерно уменьшение прямого вмешательства государства в экономику, дерегулирование рынка капитала и упор на привлечение инвестиций. На стадии развитого рынка большинство инструментов селективной промышленной политики теряют свое значение, либо используются в экстраординарных случаях.

Используя вышерассмотренную модель стадий экономического развития, можно уточнить временные рамки существования конституционных правил модернизационного типа и критерии их эффективности. Возможности их становления появляются по мере развития на начальной стадии индустриализации. Аналогичная ситуация возникает, если страна начинает процесс модернизации после длительного периода отставания. Возникновение конституционных правил модернизационного типа выступает необходимым условием для перехода к стадии инициации экспортно-ориентированного роста. Их устойчивость проявляется в способности обеспечить переход к третьей стадии. Она выступает последней стадией процесса выращивания институтов. Условием ее завершения является трансформация конституционных правил модернизационного типа в разновидность хозяйственной конституции развитого рынка.

В рамках вышерассмотренного подхода признаком превращения государства в агента развития, эффективно реализующего функцию трансплантации институтов, выступает его способность проводить рациональную социальную и промышленную политику. По существу, в этом проявляется противоречивое, но неразрывное единство формообразующих и компенсирующих функций государства как субъекта ускоренной модернизации.

Подводя итоги исследования, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, опыт реализуемых в 1990–2000-е годы как в России, так и в других постсоциалистических и развивающихся странах рыночных реформ показал, что процессы институциональной трансформации носят длительный и противоречивый характер. При этом центральное значение, как в теоретическом плане, так и в практике институционального проектирования приобрел вопрос о критериях эффективности формирующихся институциональных структур. При этом тезис о наличии универсального набора качественных институтов, соответствующих «постиндустриальному» и «глобальному» характеру современной мировой экономики, не получил достаточного позитивного обоснования. Он выступает в большей степени как мифологема, обслуживающая интересы акторов из «постиндустриального» «ядра» капиталистической «мир-экономики».

Во-вторых, государство как агент развития при решении задач ускоренной модернизации должно ориентироваться на формирование исторически длительных промежуточных институтов модернизационного типа. Специфика этих правил определяется двумя группами взаимосвязанных факторов:

- ◆ цивилизационными. Они связаны с «встраиванием» развивающейся рыночной капиталистической экономики в неклассическую для нее цивилизационную среду. Эти факторы определяют институциональные хозяйственные обстоятельства, задающие специфику целевых функций формирующихся экономических субъектов рыночной экономики и норм их взаимодействия;
- ◆ мир-системными. Развитие стран более поздних эшелонов модернизации идет в условиях наличия развитого «центра», диктующего свои правила игры. При этом, с одной стороны, само осознание возникшего отставания служит мощным внешним стимулом модернизации, с другой — реализация этой задачи в условиях исторически сложившихся конкурентных преимуществ развитых стран требует широкого использования нерыночных по своему характеру мобилизационных механизмов, в том числе в сфере внешнеэкономических отношений. При этом формирование и использование таких механизмов оказывается возможным и эффективным только при опоре на традиционные социальные структуры и ценностные установки (национальное возрождение в Германии, групповая психология японцев, клановая организация бизнеса в современном Китае и т.п.) (Левин, 2000, 82–89).

Таким образом, на разных стадиях развития и в условиях различных «институциональных хозяйственных обстоятельств» эффективными, «качественными» оказываются различные институциональные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

Баумоль В. Предпринимательство: производительное, непроизводительное и разрушительное / В. Баумоль // Экономическая теория преступлений и наказаний. Научный журнал. Выпуск 6. Экономическая теория права / под ред. Л.М. Тимофеева и Ю.В. Латова.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П.М. Кудюкина / под общей редакцией канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

Валлерстайн И. Геополитические миро-системные изменения: 1945–2025 годы / И. Валлерстайн // Вопросы экономики. — 2006. — № 4.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ / И. Валлерстайн // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. Выпуск 1. Историческая макросоциология в XX веке. — Новосибирск, 2000.

Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990.

Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. — М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001.

Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире / Э. де Сото. — М.: Catallaxu, 1995.

Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России / М. Кастельс // Постиндустриальный мир и Россия. — М., 2001.

Курбатова М.В. Россия как страна «догоняющего» развития / М.В. Курбатова, С.Н. Левин // ЭКО. — 2000. — № 7.

Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория / А.Н. Нестеренко / отв. ред. Л.И. Абалкин. — М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

Нуреев Р.М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность / Р.М. Нуреев // Мир России. — 2001. — № 3.

Обзор экономической политики в России за 2001 год. / С.Б. Авдашева, А.З. Астапович, С.Б. Баткибеков и др.; Бюро эконом. анализа. — М.: ТЕИС, 2002.

Панарин А. Парадоксы предпринимательства, парадоксы истории // Вопросы экономики. — 1995. — № 7.

Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры / К. Поланьи / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. — М.: ГУ-ВШЭ, 2004.

Полтерович В.М. Стимулирование роста и стадии развития / В.М. Полтерович, В.В. Попов // Модернизация экономики и выращивание институтов: в 2 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2005. — 1 кн.

Полтерович В.М. Эволюционная теория экономической политики Часть II. Необходимость своевременного переключения / В.М. Полтерович, В.В. Попов. // Вопросы экономики. — 2006. — № 8.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. — М.: Мысль, 2003.

Тамбовцев В. Парадокс российской бедности / В. Тамбовцев // Экология и жизнь. — 2000. — № 5.